

Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
komilang@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Неотъемлемой чертой устного дискурса является прерывистость акта речи, информирующая о трудностях в поиске и вербализации речевого намерения говорящего и заключающаяся в наличии хезитаций, повторов, самокоррекций, а также в использовании невербальных средств общения. Традиционное финно-угроведение ориентировано прежде всего на письменный язык, устная речь редко является самостоятельным объектом изучения. Исследование особенностей устной речи является актуальным для определения современного состояния языка, установления основных тенденций его развития, а также явлений, характерных только для этой формы языка.

Цель: выявить основные типы самоисправлений в спонтанной речи носителей коми языка и возможные причины их возникновения.

Материалы исследования: образцы публичной речи телевизионных передач, которые достаточно полно отражают особенности спонтанной монологической и диалогической речи носителей коми языка.

Результаты и научная новизна. В статье впервые анализируются различные типы самоисправлений в спонтанной речи носителей коми языка. Установлено, что в процессе порождения речи говорящий может столкнуться с фонетическими, грамматическими и лексическими проблемами. Выявлено, что самоисправления происходят внутри предикации, частотными являются контактные коррекции. Говорящий старается сразу исправить ошибочный или неуместный с его точки зрения фрагмент речи на правильный, после дискурсивного маркера привести полноценное слово, русскоязычному вкраплению найти коми эквивалент. Самоисправления в речи могут быть вызваны уточнением и пояснением фрагмента речи, неверным или неточным использованием словоформы, межъязыковой интерференцией.

Ключевые слова: устная речь, спонтанный монолог, речевые сбои, хезитация, самоисправления говорящего, преаративная подстановка, кодовое переключение, коми язык

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Некрасова Г. А. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 452–460.

Self-correction in the spontaneous speech of Komi speakers

G. A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktывkar, Russian Federation,
komilang@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: an integral feature of oral discourse is the discontinuity of the act of speech, which informs about the difficulties in finding and verbalization of a speaker's speech intention and consists in the presence of hesitations, repetitions, self-corrections, as well as in the use of non-verbal means of communication. Traditional Finno-Ugric studies are focused primarily on written language. Oral speech rarely is an independent object of study. The study of the peculiarities of oral speech is relevant for determination of the current state of the language, establishment of the main trends in its development, as well as phenomena characteristic only of this form of language.

Objective: to reveal the main types of self-correction in spontaneous speech of Komi speakers and possible causes of their occurrence.

Research materials: samples of public speech of television programs that sufficiently fully reflect the features of spontaneous monologue and dialog speech of Komi speakers.

Results and novelty of the research: for the first time the article analyzes various types of self-corrections in the spontaneous speech of Komi speakers. It is established that in the process of speech generation, a speaker may encounter

phonetic, grammatical and lexical problems. It is revealed that self-corrections occur within the predication. Contact corrections are frequent. A speaker tries to immediately correct an erroneous or inappropriate fragment of speech from his point of view, then after a hesitative marker to bring a full-meaning word and to find a Komi equivalent for a Russian insertion. Self-corrections in speech can be caused by clarification and explanation of a fragment of speech, incorrect or inaccurate use of a word form, and interlanguage interference.

Key words: oral speech, spontaneous monologue, speech shifts, hesitation, self-corrections of a speaker, preparative substitution, code switching, Komi language

Acknowledgements: the publication is prepared as part of the implementation of the state task of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project FUUU-2021-0008 “Permian Languages in the Linguocultural Space of the European North and the Urals”.

For citation: Nekrasova G. A. Self-correction in the spontaneous speech of Komi speakers // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 452–460.

Введение

Для спонтанной устной речи характерны различные нарушения в развёртывании речевого потока – hesitantные явления, повторы, коррекции, невербальные средства общения. Углублённое и детальное обсуждение разных аспектов речевых сбоев последовательно проводится на материале индоевропейских языков [7; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 24; 26]. В последние годы наблюдается повышенный интерес к устной речи и в финно-угроведении, в частности, в прибалтийско-финском языкознании [21; 22; 23; 25]. В коми лингвистике устный дискурс остаётся практически неизученным. Имеющиеся немногочисленные работы, опирающиеся на материал публичной речи в средствах массовой информации и эпизодов описания речевого события в составе художественных текстов, посвящены нарушениям грамматических норм коми языка в речи [17], отдельным аспектам кодового переключения [8], семантическим типам коммуникем [2; 3; 4; 5]. Исследование устной речи является актуальным для определения современного состояния языка, установления основных тенденций его развития, а также явлений, характерных только для этой формы языка.

В рамках данной статьи были определены следующие задачи: рассмотреть основные типы самоисправлений с полным и частичным сохранением значения языковых единиц, проанализировать особенности исправлений при препаративной подстановке и переключении кодов, определить линейный диапазон между отклонённым фрагментом речи и его откорректированным коррелятом, а также выявить основные причины, приводящие к самокоррекции речи. Результаты исследования и его выводы представляют интерес для типологии и общей теории устной речи. Практическая значимость работы заключается в том, что приведённый в статье материал может быть использован в курсах культуры речи,

стилистики коми языка, сопоставительной грамматики коми и русского языков.

Материалы и методы

Исследование проведено на материале публичной речи телевизионных передач «Миян йӧз» («Наши люди») [9], которые достаточно полно отражают особенности спонтанной монологической и диалогической речи носителей коми языка. Всего прослушано 15 передач, в общей сложности примерно 220 мин. После прослушивания и просмотра передач нами была проведена расшифровка примеров, содержащих самоисправления говорящего.

Основными методами анализа материала стали метод наблюдения, интроспекции и описательно-аналитический.

Результаты

Под самоисправлением, или самокоррекцией, понимается исправление фрагмента речи, инициируемое самим говорящим. Данное явление характерно для речи практически каждого говорящего, независимо от коммуникативной ситуации, различны только характер и степень изменения фрагмента речи. В спонтанной речи обнаруживаются различные типы самоисправлений, которые классифицируются по следующим признакам: 1) структурный диапазон коррекции (в зависимости от взаимного расположения отклонённого фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса выделяются *макрокоррекции* и *микрокоррекции*, *начальные* и *срединные коррекции*); 2) линейный диапазон коррекции между отклонённым фрагментом и его откорректированным коррелятом (*контактные* и *дистантные коррекции*); 3) тип операции (*повторы*, *модификации* и *отмены*); 4) объём забракованного фрагмента (в зависимости от сегментной протяжённости и цельюоформленности отклонённого фрагмента выделяются *мелкие*

и крупные коррекции); 5) направление исправления (*препозитивные* (prepositioned self-repairs) и *постпозитивные* (postpositioned self-repairs) [11, 12–43; 12, 5–19; 13, 187–200; 26, 245–251]. Основным объектом внимания в настоящем исследовании являются самоисправления, обусловленные степенью формального и семантического сходства между отклонённым фрагментом и его откорректированным коррелятом, – модификации. К такому типу самоисправлений мы относим также коррекции маркеров препаративной подстановки и коррекции, связанные с кодовым переключением.

Модификации

Модификацией называется замена фрагмента речи «с полным или частичным сохранением значения» [11, 32; 12, 15; 13, 197]. В процессе коррекции может быть заменена лексема, её грамматическая форма или часть синтаксической конструкции. Как показал анализ спонтанной коми речи, самоисправления встречаются при речевых сбоях различного характера – фонетического, грамматического и лексического. Рассмотрим наиболее распространённые типы самоисправлений.

Изменение звуковой оболочки слова, когда говорящий заменяет в слове один звук на другой, обнаруживается чаще всего при быстром темпе речи. Так, в примере (1) участник коммуникации сначала произнёс слово *төрö*, заменив звук /л/ звуком /р/, но затем сразу ввёл правильную форму *тöлö*. Причиной сбоя мог стать предшествующий контекст – слово *шөр*.

(1) *Кöрткерöс пуксьöмсяньыс пö öдвакö эм нывка, кодi гортас төв шөр төрö тöлö локтис гын сапöг пöвнас* (Миян йöз, 10.03.2023) ‘Со времени основания с. Корткерос вряд ли найдётся девочка, которая в середине зимы пришла домой в одном валенке’.¹

Аналогичная ситуация наблюдается в примере (2). Замена звука /с/ на /м/ в слове *öтнас* ‘она одна’ могла произойти под влиянием слова *мамным* ‘наша мать’. Исправление можно рассматривать и как грамматическое, если предположить, что говорящий скорректировал лицо счётно-личного местоимения – 1-е лицо на 3-е лицо.

(2) *А кыдз нö стипендиятöгыс. Мамным öтнам, мамным öтнас* (Миян йöз, 10.03.2023) ‘А как же без стипендии. Наша мать я одна, наша мать она одна [воспитывала нас]’.

В примере (3) говорящий дважды производит коррекцию: после небольшой паузы произносит сначала часть одного слова (*сьöл...*), затем – местоимение *мыйкö* ‘что-то’ в качестве лексического маркера хезитации, далее – фрагмент другого слова (*нав...*), снова отказывается от него, и, наконец, верное произнесение необходимого слова (*мавтис* ‘мазал’).

(3) *Сэсся ... сьöл... мыйкö нав... м-мавтис, мавтис, черкйöдлис, черкйöдлис менсим, сэсся шыбитис ручкасö, весиг чернилайс бырис* (Миян йöз, 10.03.2023) ‘Потом ... сьöл... это нав... корректировал, корректировал штрих-маркером, черкал, черкал мои [записи], затем бросил ручку, даже чернила закончились’.

Наличие в речи неинформативных фрагментированных *сьöл* и *нав*, а также незаполненных пауз и лексического маркера хезитации свидетельствует о значительных трудностях в процессе развёртывания дискурса. Проблема первоначально заключалась в поиске необходимого лексического элемента – глагола; следующий сбой, скорее всего, фонетического характера: звук /м/ заменён звуком /п/.

Ускоренный темп речи может привести к сращению слов или их отдельных фрагментов. Значение таких образований можно понять из откорректированного варианта или контекста высказывания. Так, в примере (4) неинформативное квазислово *люни*, откорректированное после дискурсивного маркера *это*, является объединением начальных звуков имени и отчества.

(4) *Сэсся люни, это, Любовь Николаевна висьталас* (Миян йöз, 10.03.2023) ‘Затем люни, это, Любовь Николаевна расскажет’.

Коррекция грамматического характера, когда исправляется обнаруженная в речи форма слова, не соответствующая контексту, нормам языка или замыслу говорящего, в спонтанной речи носителей коми языка встречается редко. Такая ситуация объясняется, скорее всего, агглютинативными свойствами коми языка. Абсолютное большинство словоизменительных морфем коми языка моносемантичны, что исключает их ошибочное употребление. Примеры (5) и (6) демонстрируют повтор сказуемого с коррекцией грамматических свойств глагола.

(5) *И улiас вöли ... улiас краеведческой музей, школьной музей* (Миян йöз, 01.11.2021) ‘И внизу [на первом этаже] был ... внизу есть краеведческий музей, школьный музей’.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Н.

(6) *Вот сійö ставсö кöсьям чукöртны, медым эз ... медым не вунöдны, медым помнитисны* (Миян йöз, 01.11.2021) ‘Вот всё это мы хотим собрать, чтобы не ... чтобы не забыть, чтобы помнили’.

В примере (5) изменено время глагола – прошедшее на настоящее, что объясняется исправлением фактической ошибки, неточной информации. Во время коммуникативной ситуации школьный музей ещё функционировал. В здании, где он находится, предполагается сделать ремонт и вместо небольшого школьного музея открыть краеведческий музей села. В примере (6) также корректируется форма предикативного фрагмента: запланированное сказуемое *эз вунöдны* ‘не забыли’ заменено на *не вунöдны* ‘не забыть’. В обоих случаях используется референциальный ноль, но в первом случае подразумевается референт *йöз* ‘люди’, во втором – обобщённо-личный дативный субъект, скорее всего, *миянлы* ‘нам’ (сам говорящий и неопределённая группа лиц). Исправление глагольной формы, может быть, связано с намерением говорящего включить в число участников описываемой ситуации и себя.

При сбоях лексического характера говорящий корректирует показавшееся ему неправильным или неуместным в данном контексте одно слово на другое. Так, в примере (7) представлены два сходных по образованию и семантике слова – *двухэтажнöй* ‘двухэтажный’ и *двухъяруснöй* ‘двухъярусный’. Адаптированные коми языком заимствованные из русского языка прилагательные имеют значение «состоящий из двух уровней», но различаются сочетаемостью, как и в языке-источнике: *двухъярусная кровать*, *двухъярусные нары*, *двухъярусный торт*, но *двухэтажный дом*. Говорящий производит коррекцию фрагмента своей речи с целью устранения ошибочного употребления слова.

(7) *Двухэтажнöй ... двухъяруснöй мыйкöясыс ööö мыйкö койкаяс* (Миян йöз, 07.06.2021) ‘Двухэтажные ... двухъярусные эти самые ээз это кровати-то’.

В примере (8) коррекция, заключающаяся в замене слова *бумага* лексемой *рисунок*, носит характер уточнения, конкретизации.

(8) *И вот тадзи босьта бумага ... мыйкö рисунокьяс, и вот и рисунокьяс вывсьыс мыйкöкара* (Миян йöз, 21.02.2012) ‘И вот так возьму бумагу ... это рисунки, и вот и по рисункам это делаю’.

В примере (9) местоимение *сия* ‘она’ заменено на кореферентную именную группу *уджыс* ‘работа’, замена носит характер пояснения.

(9) *Кор кутисны тая ТОСъясыд организуйтчыны, ми решитим, медым сия вöли более эффективнöйджык, уджыс сöвет селаыслöн* (Миян йöз, 01.11.2021) ‘Когда начали создаваться эти ТОСы, мы решили, чтобы она была более эффективнее, работа совета села’.

Пример (10) демонстрирует поиск слов и постпозитивные самоисправления. Произнесение слова *ов* ‘фамилия’ с растяжкой звука /o/ указывает на то, что говорящий сомневается в его правильности в данном контексте. Для устранения смысловой неточности он приводит слова *рöд* ‘род, родня, родственники’ и *рöдня* ‘родня, родственники’.

(10) *Мый сия сэтшöмыс о-о-ов, рöд, вот, рöдняясыс* (Миян йöз, 10.03.2023) ‘Что это такое фа-фа-фамилия, род, вот, родственники’.

Спорадически встречаются случаи исправления запланированной синтаксической конструкции, как в примере (11).

(11) *Мыйкö кö колö тöдмавны, главаыдлöн аслас ööö аслас ... со своей колокольни пö висьталас, а уже общественникьяс, кодьяс менам быд сиктын, – ассьыныс ... со своей точки зрения* (Миян йöз, 04.09.2020) ‘Если что-то надо узнать, у главы своя ... эээ своя ... свою точку зрения, значит, выскажет, а уже общественники, которые есть у меня в каждом селе, – свою ... со своей точки зрения’.

В приведённом примере речевой сбой в развёртывании дискурса вызван трудностями поиска необходимого слова. Говорящий, не найдя для реализации исходного коммуникативного замысла нужного слова, выстраивает другую синтаксическую конструкцию, полностью отказавшись от исходной. В откорректированном варианте опущена именная группа (*глава*), отсылающая к референту. Коммуникант полагает, что собеседнику известно, о ком идёт речь, так как он был назван в отклонённом варианте фразы.

Реакцией говорящего на обнаруженную в своей речи ошибку или неточность, нуждающуюся в исправлении, могут быть невербальные и вербальные маркеры хезитации.

Коррекция при препаративной подстановке

При развёртывании высказывания говорящий, не найдя необходимого для продолжения речи слова, временно может подставить на его место лексический маркер хезитации, за которым в коллоквиалистике закрепился термин «маркер препаративной подстановки» [10, 189; 12, 9–10]. В качестве таких маркеров в языках

мира выступают указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения, а также существительные с обобщённым значением типа ‘вещь’, ‘дело’ [10, 189–190; 13, 185]. Маркеры препаративной подстановки могут грамматически согласоваться с временно отложенной составляющей и не согласоваться, в зависимости от этого выделяют согласованные и несогласованные (или дефолтные) маркеры [10, 197; 13, 185–186]. В коми языке в качестве лексического маркера препаративной подстановки, как правило, используется местоимение *мыйкӧ* ‘что-то’, которое при речевых сбоях может замещать единицы именных частей речи, присоединяя при этом соответствующие грамматические показатели. Так, в примерах (12)–(14) местоимение, использованное вместо существительного, имеет суффиксы числа и падежа.

(12) *Гаврош и катайтӧ мыйкӧястӧ, туристъясӧ, и гӧрӧ, и видз вылад уджалӧ* (Миян йӧз, 08.02. 2021) ‘Гаврош и катает этих, туристов, и пашет, и на лугу работает’.

(13) *Тӧрыт кӧсий обновитышитны мыйкӧсӧ, фигурасӧ, а со бара нин шондыс сӧйӧма* (Миян йӧз, 20.02.2012) ‘Вчера хотела немного обновить это, фигуру [снеговика], а вот под солнцем снова уже она растаяла’.

(14) *Миянлы вӧчалісны сӧштиӧм ӧдӧ* ([мости́сьяма – ведущий] да, сӧштиӧм *мыйкӧысь, дӧска-ясысь сценатор, вот* (Миян йӧз, 21.03. 2022) ‘Нам соорудили такую ээ [наподобие мостков – ведущий] да, из этих, из досок небольшую сцену, вот’.

Наличие маркера препаративной подстановки не всегда влечёт за собой раскрытие отложенной составляющей. Так, в примере (15) говорящий намеревался сообщить о местонахождении субъекта референтной ситуации. Однако вместо запланированной именной группы в инессиве было представлено детальное описание ситуации – ‘дерево плывёт и на дереве норка’. При развёртывании дискурса изменено не исходное смысловое намерение говорящего, а его конкретная реализация, так как грамматически правильным выражением значения ‘на дереве’ является послеложная конструкция *пу вылас*.

(15) *А сэнӧ яг костъыс петӧма норка, и сӧйӧ кывтӧ мыйкӧас ... пу кывтӧ и пу вылас норкаыс* (Миян йӧз, 01.03.2021) ‘А там из леса вышла норка, и она плывёт на этом ... дерево плывёт и на дереве норка’.

В случае, если говорящий испытывает затруднения в поиске необходимой полнзначной

глагольной лексемы, он чаще всего использует местоименный глагол *мыйкӧкерны* ‘это сделать’, образованный в результате лексикализации сочетания местоимения *мыйкӧ* ‘что-то’ и глагола *керны* (вариант *кертны*) ‘делать’. Этот глагол может быть соотнесён с любым действием, поэтому может использоваться вместо любого полнзначного глагола, ср. примеры (16) и (17).

(16) *Челядь отсышитӧны мыйкӧкарны ... грузитны ёрта-ёрт вылас да мый да* (Миян йӧз, 21.02.2012) ‘Дети помогают это делать ... грузить друг на друга да что да’.

(17) *Но командир мыйкӧкертис миян батареялы, командуйтис* (Миян йӧз, 07.06. 2021) ‘Но командир это сделал нашей батарее, дал команду’.

В примере (16) полнзначный глагол вводится сразу после местоименного, в примере (17) местоименный и полнзначный глаголы отделены друг от друга несколькими словами.

Реже встречаются глаголы, образованные на основе местоимения с помощью деривационных суффиксов. Так, в примере (18) дважды использован глагол *мыйкӧтімӧ*, который образован от местоимения *мыйкӧ* ‘что-то’ с помощью суффикса *-т* и имеет полный набор глагольных словоизменяющих показателей, выражающих прошедшее время, 3-е лицо, множественное число. Коррекция местоименного глагола произведена только при повторном его введении.

(18) *А сысянь кымын ми сӧйӧ буткасяньыс метров двадцать ми Василий Егоровичкӧд мыйкӧтімӧ. Зэв ыджыд из, баня ыжда кымын. Сэччӧ из бокас мыйкӧтімӧ, пуксимӧ кыкӧн* (Миян йӧз, 07.06.2021) ‘А недалеко от неё, в метрах двадцати от будки, мы с Василием Егоровичем это сделали [сели]. Очень большой камень, примерно величиной с баню. Там возле камня это сделали, сели вдвоём’.

Как показывают приведённые примеры, местоименный маркер препаративной подстановки, введённый при затруднениях порождения речи, в большинстве случаев сразу корректируется полнзначным словом, реже маркер и откорректированное полнзначное слово дистантно отделены друг от друга несколькими словами.

Коррекция с кодовым переключением

Речь билингва, свободно владеющего коми и русским языками, представляет собой спорадическое переключение с родного языка на русский. Во время публичных выступлений исходным намерением говорящего является желание говорить по-коми, не используя или ограниченно

используя средства русского языка. Однако в речи почти каждого участника коммуникации в разной степени представлены русскоязычные вкрапления. Обращают на себя внимание случаи переключения-дублирования. Говорящий при снижении контроля языка коммуникации или при затруднении в выборе соответствующей языковой единицы может привести сначала русское слово, затем продублировать его на коми языке. Так, в примерах (19), (20) и (21) участник коммуникации после русскоязычных вкраплений вводит их коми соответствия: *село – сикт* ‘село’, *частӧ – тшӧкыда* ‘часто’. При дублировании языковые единицы могут следовать непосредственно друг за другом, между ними могут быть незаполненная или заполненная пауза, лексические маркеры речевого сбоя.

(19) *Медым и ешиӧ на мыйкӧ бурджыктор вӧчны ӧӧ селыслы, вот, сиктыслы* (Миян йӧз, 01.11.2021) ‘Чтобы и ещё что-то хорошее сделать ээ для села, вот, для села’.

(20) *Ме зэв частӧ, вот, ӧӧ тшӧкыда, комиӧн кӧ шуны, вот, казтывлa сійӧ олӧмьяссӧ* (Миян йӧз, 21.03.2022) ‘Я очень часто, вот, ээ часто, если сказать по-коми, вот, вспоминаю эти случаи жизни’.

В примере (21) адаптированное русское наречие *частӧ* ‘часто’ исправлено после фрагмента *аддзи-*, глагол *аддзисьлам* повторен полностью после введения коми соответствия *тшӧкыда* ‘часто’.

(21) *Зэв на частӧ аддзи... тшӧкыда аддзисьлам* (Миян йӧз, 10.03.2023) ‘Ещё очень часто встреч... часто встречаемся’.

В ряде случаев наблюдается эксплицитное указание на кодовое переключение (*комиӧн кӧ шуны* ‘если сказать по-коми’), как в примере (20).

Русскоязычные вкрапления иногда вводятся для уточнения или пояснения ранее сказанного. Они могут облегчить понимание, ускорить восприятие информации, а также устранить потенциальную двусмысленность высказывания. Так, в примере (22) участник коммуникативной ситуации после слов *олан нас* вводит словосочетание *жизненное кредо*.

(22) *Кутшӧм олан нас, жизненное кредо серти ӧӧ Тi оланнӧд?* (Миян йӧз, 23.05.2022) ‘По какому жизненному принципу, жизненному принципу ээ Вы живёте?’

В нормативном коми-русском словаре зафиксировано словосочетание *олан нас* ‘признаки жизни’ [1, 456] и сложное слово *оланнас* ‘закон’ [1, 456]. В процессе коммуникации говоря-

щий сконструировал словосочетание *олан нас* в значении ‘жизненный принцип’, ‘жизненное кредо’, выбрав прилагательное *олан* ‘жизненный’ и существительное *нас* ‘метка’ в качестве соответствия к слову *кредо*. Русскоязычное вкрапление представляет собой уточнение к предшествующему фрагменту речи.

Распространённым в речи носителей коми языка является дублирование некоторых служебных слов: частиц *бы* и *эськӧ* ‘бы’, *вот* и *со* ‘вот’ и союзов *если* и *кӧ* ‘если’, ср. примеры (23), (24).

(23) *Кутам тшӧтши чукӧртны ставӧн ӧт-вылысь* [фотографияяссӧ], *если кӧ миян артмас* (Миян йӧз, 01.11.2021) ‘Будем все вместе собирать [фотографии], если у нас получится’.

(24) *И вот со тайӧ колокольчикыс рӧштво йылысь висьталӧ* (Миян йӧз, 01.02.2021) ‘И вот этот [рисунок] на колокольчике рассказывает о Рождестве’.

Говорящий автоматически произносит русские и коми служебные слова со схожим значением; паузы, неречевые звуки и прочие маркеры хезитации между ними всегда отсутствуют. Такое употребление служебных слов, скорее всего, ничем не мотивировано.

Обсуждение и заключение

Анализ самоисправлений в спонтанной речи носителей коми языка показал, что в процессе порождения речи говорящий может столкнуться с лексическими, грамматическими, фонетическими проблемами. Исправления, связанные с кодовым переключением и препаративной подстановкой, имеют только лексический характер. Как показывают приведённые в статье примеры, самоисправления происходят внутри предикации, частотными являются контактные коррекции. Говорящий старается сразу изменить ошибочный или неуместный с его точки зрения фрагмент речи на правильный, после дискурсивного маркера привести однозначное слово, русскоязычному вкраплению найти коми эквивалент. Между отклонённым фрагментом и его откорректированным коррелятом возможна заполненная (вставка маркеров хезитации) и незаполненная пауза. В спонтанной речи корректируются чаще однозначные лексемы. Возникновение самоисправлений в речи может быть вызвано рядом причин, среди них затруднения говорящего в продолжении речи, уточнение и пояснение фрагмента речи, неверное или неточное использование словоформы, межъязыковая интерференция.

Список источников и литературы

1. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
2. Гуляева Н. И. Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2019. С. 14–31. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 77).
3. Гуляева Н. И. Коммуникемы с отрицательной эмоциональной оценкой в коми языке // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 3. С. 277–283. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.277-283.
4. Гуляева Н. И. Коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 446–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452.
5. Гуляева Н. И. Контакттоустанавливаащие коммуникемы в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 3. С. 264–273. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.264-273.
6. Завадская Ю. О. Случайность или закономерность? Частотность словоформы и другие возможные причины грамматических речевых сбоев в русской спонтанной речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2021. 17 (1). С. 123–142. DOI:10.30842/alp23065737171123142.
7. Кибрик А. А., Майсак Т. А. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 23–45. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-23-45.
8. Некрасова Г. А. Дублирование в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. 2013. № 3. С. 73–81.
9. Передача «Миян йӧз» («Наши люди») // Официальный сайт Коми республиканского телевизионного канала «Юрган». Телепроекты. URL: https://www.xn--80af5aj3e.xn--plai/vse_proekty/ (дата обращения: 01.02.2023–31.03.2023).
10. Подлеская В. И. О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 189–210.
11. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 7–55.
12. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Сер. 2. № 23. С. 2–23.
13. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Речевые сбои и затруднения // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 177–218.
14. Подлеская В. И., Клокотова М. С. Влияние когнитивной доступности объекта на способ его репрезентации в речи // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 90–107. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140405>.
15. Подлеская В. И., Коротчаев Н. А. «Эту... как её ... переписку Энгельса с этим ... как его, дьявола ... с Каутским» – об одном маркере речевого затруднения в русском языке // Русская речь. 2022. № 5. С. 64–78.
16. Ухоботова С. В. Мультиmodalные паттерны компенсации речевых сбоев (на материале студенческого диалогического дискурса) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 9–18. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-1-9-18.
17. Цыпанов Е. А. Нарушения норм литературного языка в текстах коми язычных СМИ в аспекте лингвокультурологии. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2015. 56 с.
18. Degand L., van Bergen G. Discourse markers as turn-transition devices: evidence from speech and instant messaging // Discourse Processes. 2018. № 1 (55). Pp. 47–71.
19. Fox B. A., Hayashi M., Jasperson R. Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair // Interaction and Grammar (Studies in Interactional Sociolinguistics 13). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 185–237.
20. Fox Tree J. E. The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech // Journal of Memory and Language. 1995. № 6 (34). Pp. 709–738.
21. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian // Research on Language and Social Interaction. 2010. № 2 (43). Pp.157–182.
22. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see* // Fillers, pauses and placeholders. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan. (= Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172.
23. Laakso M. Kaksivuotiaiden lasten oman puheen korjaukset keskustelussa // Puhe ja kieli. 2006. № 2 (26). Pp. 123–136.
24. Laakso M., Lehtola M. 2003. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa // Puhe ja kieli. 2003. № 1 (23). Pp. 1–24.
25. Rieger C. L. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations // Journal of Pragmatics. 2003. № 1 (35). Pp. 47–69.
26. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät // Virittäjä. 2005. № 2 (109). Pp. 244–271.
27. Wilkinson S., Weatherall A. Insertion repair // Research on Language and Social Interaction. 2011. № 1 (44). Pp. 65–91.

References

1. Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. *Komi-roch kyvchukör (Komi-russkij slovar')* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2000. 816 p. (In Komi, Russian)
2. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy v komi yazyke: funkcional'no-semanticheskij aspekt* [Communication systems in the Komi language: functional and semantic aspect]. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo yazykoznanija* [Topical issues of the Komi and Permian linguistics]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 2019. Pp. 14–31. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS; Iss. 77). (In Russian)
3. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy s otricatel'noj emocional'noj ocenok v komi yazyke* [Communication systems with negative emotional assessment in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2019, no. 11 (3), pp. 277–283. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.277-283. (In Russian)
4. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy s semantikoj pobuzhdeniya v komi yazyke* [Communication systems with the semantics of motivation in the Komi language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 446–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-446-452. (In Russian)
5. Gulyaeva N. I. *Kontaktoustanavlivayushchie kommunikemy v komi yazyke* [Contact-establishing communication systems in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2022, no. 14 (3), pp. 264–273. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.264-273. (In Russian)
6. Zavadskaya Yu. O. *Sluchaynost' ili zakonmernost'? Chastotnost' slovoformy i drugie vozmozhnye prichiny grammaticheskikh rechevykh sboev v russkoy spontannoj rechi* [Coincidence or regularity? Frequency of a word form and other possible causes of grammatical speech shifts in Russian spontaneous speech]. *Acta Linguistica Petropolitana* [Acta Linguistica Petropolitana], 2021, no. 17 (1), pp. 123–142. DOI 10.30842/alp23065737171123142. (In Russian)
7. Kibrik A. A., Maňsak T. A. *Pravila diskursivnoj transkripcii dlya opisatel'nyh i dokumentacionnyh issledovanij* [Rules of discourse transcription for descriptive and documentary studies]. *Rema* [Rhema], 2021, no. 2, pp. 23–45. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-23-45. (In Russian)
8. Nekrasova G. A. *Dublirvaniya v televizionnoj rechi komi bilingva* [Duplications in the Komi-bilingual television speech]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2013, no. 3, pp. 73–81. (In Russian)
9. Peredacha “Mijan jöz” (“Nashi lyudi”) [The program “Mijan Yoz” (“Our People”)]. *Oficial'nyj sajt Komi respublikanskogo televizionnogo kanala “Yurgan”. Teleproekty* [Official website of the Komi Republican television channel “Yurgan”. TV projects.]. Available at: https://www.xn--80af5aj3e.xn--p1ai/vse_proekty/ (accessed February 1 – March 31, 2023). (In Komi)
10. Podlesskaya V. I. *O grammatikalizacii i “pragmatizacii” markerov rechevogo zatrudneniya: fenomen preparativnoj podstanovki* [About grammaticalization and “pragmatization” of markers of speech difficulty: the phenomenon of preparative substitution]. *Tret'ya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Materialy* [Third Conference on typology and grammar for young researchers. Materials]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2006. Pp. 189–210. (In Russian)
11. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Korrekcija v ustnoj monologicheskoj rechi po dannym korpusnogo issledovaniya* [Correction in oral monologue speech according to case study data]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Coverage], 2006, no. 2 (12), pp. 7–55. (In Russian)
12. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak objekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi* [Self-corrections of a speaker and other types of speech shifts as an object of annotation in the corpus of oral speech]. *Nauchno-tehnicheskaya informaciya* [Scientific and Technical Information], 2007, no. 2 (23), pp. 2–23. (In Russian)
13. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Rechevye sboid i zatrudneniya* [Speech shifts and difficulties]. *Rasskazy o snovideniyah: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: Corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. Pp. 177–218. (In Russian)
14. Podlesskaya V. I., Klokotova M. S. *Vliyanie kognitivnoj dostupnosti objekta na sposob ego reprezentacii v rechi* [The influence of cognitive accessibility of an object on the way of its representation in speech]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2021, no. 14 (4), pp. 90–107. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140405>. (In Russian)
15. Podlesskaya V. I., Korotaev N. A. *“Etu... kak ee ... perepisku Engel'sa s etim ... kak ego, d'yavola ...s Kautskim” – ob odnom markere rechevogo zatrudneniya v russkom yazyke* [“Etu... kak ee ... perepisku Engel'sa s etim ... kak ego, d'yavola ...s Kautskim” – about one marker of speech difficulty in the Russian language]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2022, no. 5, pp. 64–78. (In Russian)
16. Ukhobotova S. V. *Mul'timodal'nyye patterny kompensatsii rechevykh sboev (na materiale studentcheskogo dialogicheskogo diskursa)* [Multimodal patterns of speech disfluencies compensators (based on student dialogic discourse)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2023, no. 1 (225), pp. 9–18. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-9-18>. (In Russian)
17. Tsypanov E. A. *Narusheniya norm literaturnogo yazyka v tekstah komi yazychnyh SMI v aspekte lingvokul'turologii* [Violations of the norms of literary language in texts of the Komi language media in the aspect of linguoculturology]. Syktyvkar: IJALI Komi NC UrO RAN Publ., 2015. 56 p. (In Russian)
18. Degand L., van Bergen G. Discourse markers as turn-transition devices: evidence from speech and instant messaging. *Discourse Processes*, 2018, no. 1 (55), pp. 47–71. (In English)

19. Fox B. A., Hayashi M., Jaspersen R. Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair. *Interaction and Grammar (Studies in Interactional Sociolinguistics 13)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 185–237. (In English)
20. Fox Tree J. E. The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech. *Journal of Memory and Language*, 1995, no. 6 (34), pp. 709–738. (In English)
21. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian. *Research on Language and Social Interaction*, 2010, no. 2 (43), pp. 157–182. (In English)
22. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see*. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan. (= Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172. (In English)
23. Laakso M. Kaksivuotiaiden lasten oman puheen korjaukset keskustelussa. *Puhe ja kieli*, 2006, no. 2 (26), pp. 123–136. (In Estonian)
24. Laakso M., Lehtola M. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja lühisen keskustelussa. *Puhe ja kieli*, 2003, no. 1 (23), pp. 1–24. (In Estonian)
25. Rieger C. L. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations. *Journal of Pragmatics*, 2003, no. 1 (35), pp. 47–69. (In English)
26. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät. *Virittäjä*, 2005, no. 2 (109), pp. 244–271. (In Estonian)
27. Wilkinson S., Weatherall A. Insertion repair. *Research on Language and Social Interaction*, 2011, no. 1 (44), pp. 65–91. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.
komilang@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktvykar, Communisticheskaya Str., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.
komilang@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4995-4772